южнославянской агиографии, мы считаем, что необходимо также учитывать возможности воздействия на него и русской литературы: трудно представить, чтобы за полувековую жизнь на Руси, бывая в различных местах Русского государства, в разных монастырях, работая для русских читателей, Пахомий питался лишь византийскими и южнославянскими образцами.

Подведем некоторые итоги. Для успешного изучения взаимоотношений русского и южнославянского агиографического стилей прежде всего необходимо исследовать творчество Епифания Премудрого. Это диктуется не только проблемами изучения взаимоотношений русской и южнославянских литератур, но и недостаточной изученностью творчества великого писателя русского средневековья, современника Андрея Рублева. Едва ли подлежит сомнению, что, как и творения Рублева, ряд древнерусских житий и сказаний сохранил свое эстетическое значение до сих пор. Среди древнерусских агиографов, как и среди древнерусских иконописцев, были ремесленники, посредственные мастера, но были и талантливые художники и их творения, хотя они и дошли до нас в необычной современному искусству форме житий и икон, представляют и сегодня художественную ценность. Такая ценность произведений Рублева, когда-то далеко не всеми осознаваемая, в настоящее время бесспорна и теперь уже не требует особых доказательств. Творчество Епифания по своему словесному мастерству, по выраженному в его произведениях патриотизму может быть смело поставлено рядом с творчеством Рублева, и задача филологов-медиевистов объяснить это современному читателю. Эта задача будет наиболее успешно выполнена в том случае, если творчество Епифания Премудрого будет рассматриваться на фоне южнославянских агиографических памятников, сопоставляться как с творениями его предшественников, так и с произведениями его преемника в области агиографии — Пахомия Логофета.

Изучение творчества Епифания Премудрого в сопоставлении его житий с южнославянскими, а также исследование произведений Пахомия Логофета в сравнении их с творениями Епифания Премудрого помогут уяснить не только вопросы русско-южнославянских литературных связей, установить характер взаимоотношения русского и южнославянского агиографического стилей, но даст возможность глубже вникнуть в сущность вопроса о литературно-художественной специфике древнерусской литературы.
